

Александр
МИШКИН

ANAMNESIS MALI

История беды
Книга 3

Александр Мишкин

Anamnesis mali
(История беды). Книга 3

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Мишкин А.

Anamnesis mali (История беды). Книга 3 / А. Мишкин —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Заключительная часть трилогии «Anamnesis» о необыкновенных приключениях доктора Пал Палыча Светина. На этот раз в его руки случайно попадает фрагмент Стабилизатора – древнего устройства, предохраняющего наш мир от саморазрушения. Утратив свою целостность, Стабилизатор останавливается. Мир начинают потрясать природные и рукотворные катаклизмы, неуклонно ведущие к его гибели. Лишь несколько недель остаётся у Пал Палыча и его друзей на то, чтобы вернуть фрагмент на место и восстановить Стабилизатор. Но как это сделать, если их противники – не только люди, но и тени?

© Мишкин А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Мишкин

Anamnesis mali (История беды). Книга 3

Пролог

12 сентября 1944 года, Карпаты, Западная Украина, 14–22.

Очередь сухо протяжала совсем рядом. Пули с недобрым жужжанием пронесли над головой, щедро посыпая её ошмётками подвернувшихся еловых веток. Свирина ругнулся сквозь зубы и поспешно скатился на дно овражка, из которого только что так неосторожно высунулся.

– Гей, капитане! Ты чого пид зэмку закопався? Звыкаеш вже? – с издёвкой поинтересовался голос наверху, – Выходи, поживеш ще трохи. Нам на радисть!

Последние слова проглотил многоголосый хохот, эхом прокатившийся по лесу. Свирин тихо выругался ещё раз и отщёлкнул магазин трофейного «шмайсера». Восемь патронов. Плюс – ещё пять осталось в «ТТ». Хреново.

Бандитов было не меньше дюжины. Поначалу. Пятерых они с Серым положили ещё там, в селе. Пока держали оборону в собственном отделении милиции...

Капитан криво усмехнулся. Отделение! Смех один. Покосившаяся изба-мазанка на самой окраине села. С одним окном и двумя милиционерами внутри. Да ещё – с мощнейшим арсеналом: два автомата (один – трофейный), один пистолет и две гранаты-лимонки. Воюй – не хочу!

Зато задача была поставлена грандиозная: уничтожить все имеющиеся в округе банды и защитить «мирное население» от всякого рода преступных элементов. Их, этих самых «элементов» в окрестных лесах бродило немеряно: и недобитые фрицы, сбившиеся в группы и пытающиеся пробиться на запад – вслед за стремительно удаляющейся линией фронта; и дезертиры, тоже бродящие небольшими, но озверевшими стаями; и банальные уголовники-мародёры, набивающие карманы ценностями, отобранными у мёртвых...

И, разумеется, бандеровцы. Эти были самыми опасными тварями из всего перечисленного зверинца. Если остальные таились в лесах и в бой ввязывались лишь по необходимости, когда припрёт, то бандеровцы – целенаправленно истребляли всех, кто имел хоть какое-то отношение к Красной Армии и Советской власти.

Но самым лакомым куском для бандитов были «ястребки»: офицеры и сержанты подразделений НКВД, специально созданных на Западной Украине для борьбы с националистами.

Месяц назад Свирин стал этим самым «ястребком». Очень даже просто и быстро решился вопрос: вызвали к командованию, поставили задачу, дали в подмогу Серого, – и вперёд, в это затерянное в карпатских лесах село. Защищать «мирное население»...

Оно, это «мирное население», в большинстве своём мирным было лишь днём. А с наступлением темноты – бралось за всякие стреляющие трофейные железки и уходило в леса. Отстреливать «клятих москалив», топчущих «нэньку-Украину».

В последнее время бандиты обнаглели окончательно. Вот и сегодня: среди бела дня из леса вышла дюжина откормленных салом, увешанных оружием «гарних парубков» и попёрла на штурм отделения милиции. Почти не таясь.

Да не тут-то было. Трёхлетний фронтовой опыт – это вам не шутки. В первые же пять минут боя трое бандитов навсегда прилегли на сочный украинский чернозём. Остальные стали осторожнее: на рожон уже не пёрли, обложили вкруговую и решили взять измором. Знали, сволочи, что с патронами у «ястребков» – полный швах.

Тогда-то они с Серым и решили прорываться в лес. И прорвались, попутно упокоив ещё парочку «лесовиков». Гранатой. А чуть позже, когда проклятое село уже скрылось за дере-

вьями, Серый поймал спиной слепую, шальную пулю. И остался Свирин один, без своего старшины. Даже его оружие не успел забрать: озлобленные бандиты неслись по пятам.

Капитан вздохнул и воткнул рожок обратно в автомат. Да уж, ППШ Серого сейчас бы пришёлся очень кстати. Да и граната, оставшаяся у старшины, не помешала бы...

Сверху раздался шорох торопливых шагов. Свирин взметнулся из своего овражка, дал короткую очередь в два патрона в сторону звука и, уже падая обратно, успел заметить, как оседает на землю ещё один бандит. Шесть-один...

...Чёрт, зацепили-таки! Тупая боль заполнила правую половину живота. Капитан опустил глаза: по выцветшей гимнастёрке проворно расползлось тёмное пятно. Во все стороны от небольшой, аккуратненькой такой дырочки в ткани... ну и в животе, соответственно.

Похоже, в печень угодили... Руки и ноги начали стремительно холодеть. Всё, Свирин, отвоевался: с такой раной ещё несколько минут протянешь, от силы – четверть часа. Насмотрелся в своё время на передовой на ребят с чем-то подобным – невесёлая аналогия...

– Так що, капитан? Або ты до нас виходишь, або мы – до тебе? Для тебе краще буде, якщо ти – до нас! – не унимался наверху глумливый голос.

Свирин скрипнул зубами в бессильной злобе. Не дождётесь, твари, теперь я даже при желании к вам не выйду. Не смогу просто. Да и желания никакого нет.

Капитан пополз вдоль овражка. Неподальёку, в каких-нибудь десяти метрах, заросли колючего кустарника были намного гуще, чем в других местах. Свирин направился туда, сам не понимая, зачем. Его угасающим сознанием овладело давно забытое детское желание: забиться куда-нибудь в уголок, подальше от чужих глаз. Чтобы не нашли.

Не чувствуя боли, капитан продрался сквозь колючки в самую гущу кустарника. И полез дальше, не останавливаясь и уже почти ничего не видя.

Вдруг, вместо привычной холодной и жирной земли, руки ощутили пустоту. Не успев удивиться этому факту, Свирин почувствовал, как куда-то проваливается и летит. Летел он, впрочем, недолго: падение оказалось весьма болезненным и на какое-то время лишило капитана сознания.

Очнулся Свирин от странного ощущения во всём теле: оно вибрировало. Вместе с тёплой, почти горячей поверхностью, на которой лежало. Ощущение было необычным, но весьма приятным.

С трудом приподнявшись на руках, капитан огляделся. В небольшой пещере, в которую он угодил, непонятным образом было светло. Не так, чтобы очень, не как днём, но – светло. При том, что никаких ламп или других каких источников света видно не было.

Это, конечно, было странно. Но ещё более странным оказался пол пещеры: вымощенный небольшими правильными шестигранниками, он вибрировал и излучал то самое приятное тепло.

– Что за чёрт? – поинтересовался Свирин у тишины. Она не ответила.

Капитан озадаченно колупнул пальцем щель между соседними шестигранниками. Та внезапно расширилась и пропустила палец в себя почти полностью. От неожиданности Свирин вздрогнул и отдёргнул руку. Выждал немного и присмотрелся.

Шестигранники не были закреплены. Они всего лишь были точно пригнаны друг к другу, довольно неплотно, но зато образуя идеально-ровную поверхность. Будто кто-то невесть зачем собрал мозаику, да так и оставил здесь, в этой пещерке в предгорьях Карпат.

Капитан пожал плечами и осторожно ухватил пальцами ближайший шестигранник. Затаил дыхание и потянул вверх. Получилось! Фрагмент странного пола оказался в руке Свирина, а на его месте теперь вызывающе зияла правильная дыра.

Чудеса продолжались: шестигранник в руке капитана внезапно стал из горячего ледяным. Продолжая, впрочем, всё так же вибрировать в унисон со странной мозаикой. А по стенам пещерки тревожно заметались неясные тени.

По сознанию Свирина хлестнула мысль: нельзя! Да больно так хлестнула, наотмашь. Выбивая все остальные мысли, чувства и желания. Будто кто-то большой извне кувалдой вколачивал в голову: НЕЛЬЗЯ!

Повинуясь этой мысли, капитан поспешно поднёс шестигранник к его опустевшему гнезду. А вот вставить – не успел. Последние силы ушли вместе с кровью, вытекающей из пробитой печени. Рука с зажатым в ней шестигранником безвольно упала – рядом с дырой. Совсем рядом.

А в умирающем сознании капитана надрывно кричала и билась мысль: НЕЛЬЗЯ! НЕЛЬЗЯ! НЕЛЬ...

Часть 1

Катаклизменная

Сегодня, 1 июня, Нероград, 18–45.

– Палыч, ты о чём?! – изумился Петрович, на миг даже забыв о еде, – Какие такие «золотые стандарты» лечения? Забыл, на чём и с чем нам приходится работать? Оборудование – времён царя Гороха, латаное-перелатаное. Причём, замечу, латаное нами же, а не специально обученными товарищами! ИВЛ в пятой палате заводится только после пинка в точно определённую точку...

– После третьего пинка, – поправил я его, с наслаждением потягивая вино и задумчиво разглядывая оставшуюся на моей тарелке порцию шашлыка. Мясо выглядело чертовски аппетитно, но пресытившийся организм уже начинал выражать некоторые сомнения. Пока не очень бурно.

– Ну да, после третьего! – согласился Петрович и запихнул в себя очередной кусок, – М-м-м умгу гыва фо!

– Ась? – вяло переспросил я. Затянувшаяся дискуссия уже начинала мне надоедать.

– Тем более, говорю! – Ванька проглотил еду и освободившимся ртом вновь начал пламенно вещать, – Мониторы показывают всё, что угодно, но только не то, что положено. Дефибриллятор «стреляет» через раз и не всегда – в пациента...

– Петрович, кончай! – я поёжился, вспомнив события почти годовой давности и незабываемые ощущения от разряда в пять киловольт. Есть как-то расхотелось совсем.

– Доктора, вы в состоянии говорить о чём-либо, кроме работы? – поинтересовалась Кларочка, – Хочу заметить, что вы вот уже почти час находитесь в кафе в обществе весьма привлекательной молодой особы. И, вместо того, чтобы наперебой эту самую особу развлекать, утомляете её слух хоровым плачем об удручающем состоянии отечественного здравоохранения. На примере отдельно взятого кардиореанимационного отделения, в котором имеете несчастье работать...

Девушка демонстративно надула губки и отвернулась к стене.

– Смею заметить, что молодая привлекательная особа до последнего времени сама принимала живейшее участие в вышеупомянутом хоровом плаче, – улыбнулся я и подлил в её бокал вина, – Но ты права, малыш, давай тяпнем и прекратим разговоры о работе. В конце концов, у нас выходной. Петрович, ты с нами?

– Всегда! – отозвался тот и поднял свой бокал, – За сбычу мечт?

– За сбычу мечт! – хором подтвердили мы с Кларочкой и со звоном сдвинули бокалы.

Вино оказалось молодым и забористым. Уже через пару минут мы напрочь позабыли о насущных проблемах нашего отделения и оживлённо болтали ни о чём. Ужин перешёл в новую фазу.

Откинувшись на спинку кресла, я лениво рассматривал остальных посетителей небольшого летнего кафе в самом центре Нерограда. Свободных столиков не было: кухня здесь была отменная и кафе пользовалось заслуженной популярностью.

За соседним столиком собралась весьма колоритная компания. Четверо молодых парней лет двадцати, одетых почему-то в военную форму времён Великой Отечественной войны. Причём, если трое из них были облачены в гимнастёрки советского образца, то на четвёртом красовалась полевая форма вермахта – характерного мышиного цвета и даже с погонами. В чинах германской армии я не разбирался, поэтому звание «фрица» определить не мог.

Вся грудь «фашиста» была увешана какими-то медалями, орденами и значками. В основном, преобладали всякого рода железные кресты и орлы. Однако, присмотревшись, я с изум-

лением отметил в центре этой экспозиции значки ГТО, «Почётного Донора СССР» и «Ворошиловского стрелка». Я хмыкнул.

– Ты чего, Палыч? – поинтересовался Ванька, с сожалением рассматривая свою опустевшую тарелку.

– Да вот, люблюсь яркими представителями неформальных молодёжных движений, – пояснил я, указав глазами на «фашиста» с приятелями, – Вот скажи, Петрович, ты бы смог в пору своей ранней юности вот так, запросто, пройти по центральным улицам города в немецкой военной форме времён Второй Мировой?

– Ну-у... – начал было Ванька, но я прервал его:

– Впрочем, ты бы, наверное, смог: твоя ранняя юность пришлась уже на смутное постсоветское время. А вот я бы – точно нет. Мигом бы ласты за спину завернули – и в «серый дом». А там товарищи с ласковым прищуром объяснили бы, что к чему. В лучшем случае, отделался бы исключением из комсомола и института. В худшем – поехал бы по дрова. Куда-нибудь на Север.

– Не пойму я, Палыч, ты что – завидуешь ему? – ехидно осведомился Петрович, кивнув на носителя вражеской формы.

– Да Боже упаси! – я даже поперхнулся от возмущения, – Чему тут завидовать-то? Я говорю о том, что за какие-то пятнадцать-двадцать лет всё изменилось до неузнаваемости!

– Темпора мутантус! – мудро заметил Ванька.

– Эт нос мутамур ин иллис! – продолжил я древнеримскую истину и поднял бокал, – Вот за это и выпьем!

– А перевод? – потребовала Кларочка, – Что-то там про время, насколько я поняла?

– Времена меняются – и мы меняемся вместе с ними! – торжественно провозгласил Петрович. Уже по-русски.

– Хороший тост, – одобрила Кларочка, – Виват?

– Виват! – хором подтвердили мы с Ванькой и вновь сдвинули бокалы.

Их слабый звон был перекрыт грохотом со стороны соседнего столика. Мы вздрогнули и, не успев выпить, обернулись на шум.

Там творилось что-то странное. «Фашист» с выпученными глазами вскочил, зачем-то содрал со столика скатерть, обрушив наземь всё, что на ней было, и теперь вертелся на одном месте. Скрючившись и схватившись обеими руками за тощую шею, сиротливо выглядывающую из явно большого для неё ворота вражеского мундира. Рот нашего странного соседа был широко раскрыт и издавал жутковатые хрипящие звуки. А лицо – синело.

– Подавился фриц! – первым сообразил Петрович и рванул к бедняге. Я – за ним.

Ванька подбежал к «фашисту», обнял его сзади и обеими ручищами принялся толчками давить на живот, пытаясь заставить застрявший где-то в гортани кусок вылететь наружу и дать проход воздуху.

Вокруг мигом образовалось плотное кольцо зевак. Слава Богу, никто не пытался давать советы: просто молча стояли в ожидании дальнейшего развития событий.

– Без паники, мы врачи! – на всякий случай сообщил я почтеннейшей публике.

Та приняла это известие с одобрительным мычанием. Из толпы к нам вывинтился толстенький маленький человечек с характерной формой носа и небритостью:

– Дарагой, «Скорую» нада вызват? – озабоченно поинтересовался он. Акцент тоже был характерным.

Я посмотрел на Петровича. Тот старался изо всех сил, но тщетно: несчастный «фриц» в его объятьях синел всё больше, уже почти не трепыхался и закатывал глазки.

– Вызывайте, – подтвердил я и, поколебавшись пару секунд, добавил, – Вы хозяин кафе? Срочно нужен нож с острым концом. Очень острым. Ещё – широкая трубочка для коктейля. И водка.

Толстяк недоумевающе взглянул на меня.

– Рэзать будэм! – максимально доходчиво пояснил я.

Перевод помог. Горец радостно закивал и скрылся в подсобке. Через несколько секунд вернулся, размахивая над головой, словно шашкой, огромным разделочным ножом. Из другой его руки торчал пучок разноцветных коктейльных соломинок. Как раз нужного диаметра.

Следом за хозяином тяжело топал крупный официант с подносом, на котором красовалась запотевшая бутылка водки и несколько рюмок.

– Вот, – запыхавшись, толстяк протянул мне нож и соломинки, – А там – водка.

– Рюмки-то зачем? – рассеянно спросил я, пробуя ногтем острие ножа.

– Как – зачэм? Водка пить как будэш? – удивился хозяин.

Я вздохнул и, не тратя времени на разъяснение основ асептики и антисептики, распорядился:

– Составьте в ряд три стола. Быстро.

Всё было исполнено молниеносно.

– Петрович, клади фрица. Всё, больше времени нет на попытки.

Ванька понимающе кивнул, схватил полумёртвого парня в охапку и уложил на столы. Рванул ворот вражеского мундира, оголяя шею и грудь.

Я выхватил бутылку у застывшего в ожидании официанта и щедро полил водкой будущее операционное поле. Из толпы донеслись сокрушённые вздохи.

Закончив с подготовкой пациента, я сунул бутылку в руки официанту:

– Лей! – и подставил под холодную струю руки, нож и соломинку, – Петрович, мойся тоже. Ассистировать будешь!

Ванька пристроился рядом. Обработав руки и инструмент так тщательно, насколько это было возможно, мы вернулись к бренному, слабо хрипящему телу «фашиста».

– Держи пока! – я сунул Петровичу соломинку и нащупал пальцем на тощей шее нужную точку.

– Ага, тут. Давай! – подтвердил Ванька.

Я кивнул и ткнул кончиком огромного ножа в горло «фрица». Толпа дружно ахнула. Кто-то взвизгнул.

– Тыхо всё! – грозно проревел толстяк за моей спиной.

Мигом воцарилась тишина. Я мысленно поблагодарил маленького горца и посильнее надавил на нож. Острие вдруг провалилось и я едва успел остановить его движение. В глубине раны кровь запузырилась. Есть! Трахея вскрыта.

– Петрович, давай!

Ванька ловко ввинтил в дырку на шее нашего невольного пациента коктейльную трубочку. Из неё тут же вместе с воздухом вырвался небольшой фонтанчик кровавых брызг. И «фриц» задышал: часто, жадно и глубоко. Через соломинку.

Толпа шумно выдохнула и зааплодировала. Подавив в себе желание раскланяться, я похлопал пациента ладонью по щеке:

– Эй, фриц! Глаза открой! Слышишь меня?

– Колькой его зовут! – подсказал мне один из «красноармейцев».

– Николай, открой глаза! – приказал я.

«Фриц» послушался. Глаза распахнулись и с неподдельным изумлением уставились на меня. Рот открылся...

– Говорить не пытайся: всё равно не выйдет! – предупредил я его, – Объясняю: ты подавился, потерял сознание, мы вставили тебе в трахею трубку, дышишь пока через неё. Моргни два раза, если понял.

Веки старательно опустились и поднялись два раза.

– Молодец. Сейчас приедет «Скорая», отвезёт тебя в больницу. Там из твоей гортани вынут еду и заштопают дырку в шее. Будешь как новенький. Понятно?

«Фриц» опять два раза моргнул.

– Отлично. А вот и «Скорая», кстати! – обрадовался я, услышав приближающуюся сирену. И почувствовал, как кто-то дёргает меня за штанину. Опустив глаза, я с удивлением обнаружил, что рука, вцепившаяся в брюки, растёт из моего неожиданного пациента.

– Ты чего?

Рука отпустила штаны и залезла в карман немецкого мундира. Через миг показалась оттуда с каким-то предметом. И ткнулась в мою руку.

Я вздрогнул: в моей ладони оказалось что-то вибрирующее и холодное. Очень холодное – просто ледяное. Ощущение было приятным – особенно с учётом тридцатиградусной жары.

Я разжал пальцы: на ладони лежал шестигранник из какого-то чёрного металла. Небольшой совсем: с гранью сантиметров пять, не больше. Зато довольно тяжёлый. Всмотревшись, я обнаружил, что матовая чёрная поверхность усеяна непонятными символами, расположенными правильными столбцами по пять знаков в каждом.

– Что это? – я перевёл взгляд на «фрица».

Тот широко улыбнулся. Потом ткнул пальцем сначала в шестигранник, затем – в себя и, наконец, – в меня.

– Палыч, это он тебе подарок сделал. В знак благодарности за спасение жизни! – перевёл Петрович.

Пациент радостно закивал головой, соглашаясь.

Я пожал плечами:

– Спасибо, конечно, но... Это хоть что?

Теперь пожал плечами «фриц». Похоже, он и сам не знал, что подарил.

– Нормально... – пробормотал я и добавил уже громче, – Ладно, Николай, спасибо большое. Давай, поправляйся и в следующий раз ешь аккуратнее. Тщательно пережёванная пища – залог здоровья. Ты теперь это знаешь.

«Фриц» улыбнулся и кивнул. Знает.

– Так, что у нас случилось? – сквозь толпу протиснулись две докторицы со «Скорой». Или фельдшерицы – не важно.

Я широким жестом указал на лежащего с трубкой в горле и ухмыляющегося «фашиста»:

– Вот, принимайте: эхо минувшей войны. А вернее – жертва обжорства. В гортани – шашлык, в трахее – трубка. В больнице и то, и другое надо будет убрать. Именно в этой последовательности.

– Круто! – констатировала докторица помоложе, оценив плоды нашей работы.

– А то! – скромно согласились мы с Петровичем.

2 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 09–05.

Я задумчиво повертел странный шестигранник в пальцах: предмет по-прежнему тихо вибрировал и приятно охлаждал кожу. Загадочные символы на чёрном металле будто слегка подсвечивались изнутри... и ровным счётом ни о чём мне не говорили.

– Палыч, в ружьё! – Петрович брякнул трубку местного телефона на аппарат и вскочил, – В хирургии якобы инфаркт с кардиогенным шоком!

Я затолкнул таинственный подарок «фрица»-Кольки поглубже в свой шкафчик и захлопнул дверцу. Не буду думать об этом сегодня – подумаю об этом завтра, – так, кажется, говорила несравненная Скарлетт О'Хара в «Унесённых ветром»?

Через пару минут наша бригада лихо ворвалась в палату второго хирургического отделения. И, судя по всему, вовремя. Бледное тело на постели уже тихо похрипывало с закатившимися глазами.

Зато вокруг царило нездоровое оживление. Кровать обступило трудноисчислимое количество народу. Я успел заметить и заведующего отделением, в которое мы прибыли, и пару-тройку знакомых хирургов, и несколько озабоченных медсестёр, и... О нет, только не это!

Навстречу нам из врачебной толпы выдвинулся, радостно потирая толстенькие ручки, наш начмед Гадёныч. Сиречь – Алексей Кадинович. Сын киргизских степей. Или казахских? Точно не скажу, каких именно степей сын, но то, что сукин – определённо. Доказано неоднократно им же.

– Наконец-то! И часа не прошло – а кардиореанимация уже тут! – с фальшивым восторгом воскликнуло начальство.

Я демонстративно посмотрел на часы:

– Вызов поступил три минуты назад. Звонки записываются и фиксируются по времени. По запросу можно сделать распечатку, дабы убедиться в некоторой некорректности вашего замечания, тонкую иронию которого, вне всяких сомнений, оценили все присутствующие здесь коллеги.

Коллеги, несмотря на драматизм обстановки, захихикали. Гадёныч побагровел и начал плевать слюной:

– Пал Палыч, не до ваших штучек сейчас! Состоялся консилиум: у этой больной – инфаркт и кардиогенный шок. Забирайте её к себе. Я поднимусь позже и проверю назначения.

За моей спиной тихо хмыкнул Петрович. Гадёныч разбирался в неотложной кардиологии немногим лучше, чем я – в древнекитайской грамматике.

– С вашего позволения, Алексей Кадинович, я осмотрю пациентку, прежде чем принимать решение о переводе, – с ледяной вежливостью сообщил я начальству и, обойдя его, присел на стул рядом с предметом обсуждения.

Так. Женщина, лет сорока – сорока пяти. Уже зацепка: дамы в этом возрасте, как правило, инфарктами не болеют. Бывают, конечно исключения, но уж так редко...

– Так что случилось? – поинтересовался я.

Вперёд выступил хирург и начал вещать:

– Больная Семёнова, сорока двух лет, третьи сутки после операции холецистэктомии. Послеоперационный период протекал без осложнений. Сегодня, около тридцати минут назад, почувствовала себя плохо: появился озноб, крупный холодный пот, похолодели конечности, возникло неприятное ощущение за грудиной. Чуть позже – присоединились судорожные подёргивания конечностей и психомоторное возбуждение. Около десяти минут назад потеряла сознание.

– Давление?

– Шестьдесят. Нижнее не определяется. Записали кардиограмму. Вот, – коллега протянул мне бумажную ленту.

Я быстро просмотрел её. Разумеется, ничего.

– Кто поставил диагноз: «инфаркт»?

– А что же это ещё, по-вашему?! – возмутился Гадёныч.

Ясно. Вопрос снимается. Начмед наш мнит себя гениальным диагностом и лепит инфаркт миокарда в любом неясном клиническом случае.

Что касается несчастной Семёновой, сорока двух лет, то у меня на её счёт стали вырисовываться совсем другие подозрения. Крупный холодный пот, психомоторное возбуждение перед потерей сознания, стремительность этой самой потери...

Я осторожно пощупал через закрытые веки глазные яблоки пациентки: ну, так и есть, твёрдые – будто каменные! Перевёл взгляд на капельницу, из которой что-то исправно вливалось в г-жу Семёнову:

– Что капается?

– Глюкоза с инсулином и панангин, – с готовностью ответила сестра.

Мои подозрения перешли в почти уверенность:

– Сколько инсулина?

– Шесть единиц!

– Чем набирали? – задал я коварный вопрос молоденькой сестричке.

– Ну... как чем? Шприцем! – удивилась та.

– Покажите, каким и как! – потребовал я.

– То есть? – бровки подпрыгнули под самый колпак.

– Возьмите шприц, такой же, каким вы набирали инсулин, и покажите, как именно набирали, – медленно и внятно объяснил я задачу.

Сестра вопросительно посмотрела на своего заведующего.

– Давай-давай! – подбодрил тот её.

Девушка поджала губки и засуетилась у процедурного столика. Через минуту повернулась ко мне и протянула шприц:

– Вот. Шесть единиц. Как и тогда.

По палате пронёсся дружный вздох. Я протянул руку и перекрыл краник капельницы. Чудо-лекарство перестало вливаться в несчастную Семёнову.

В шприце, который победно демонстрировала нам сестра, было шесть *миллилитров* инсулина. Миллилитров, а вовсе не единиц! Для справки: в одном миллилитре – сорок единиц инсулина. То есть, в капельницу вместо шести добрая сестричка заправила двести сорок единиц!

Пациентка, естественно, благополучно влетела в инсулиновую кому. В коей и пребывала по сей час.

– Кларочка, сделайте ей двадцать кубов глюкозы. Сорокапроцентной, – распорядился я. Впрочем, запоздало, поскольку Клара уже склонилась с полным шприцем над больной.

– Маловато будет... – задумчиво протянул Петрович, когда шприц опустел.

– Угу, – согласился я и кивнул застывшей в ожидании Кларочке, – Повторить.

Повторили. Больная Семёнова, сорока двух лет, распахнула глаза и уставилась на меня:

– Тени...

Я взял её за руку и нащупал пульс. Тот бился ровно и уверенно. Судя по всему, давление нормализовалось.

– Тени... Они пришли... – прошелестела женщина, умоляюще глядя на меня.

– Всё хорошо, голубушка, всё хорошо! – я слегка пожал её пальцы и улыбнулся, – Теперь всё хорошо.

Семёнова покачала головой:

– Нет. Вы не понимаете... Тени...

Я вздохнул. На выходе из комы такое бывает. Мозг ещё не оправился после гипоксии и отёка.

– Сто тридцать на восемьдесят! – сообщила Кларочка.

Ну что же, отлично. Мавр сделал своё дело, мавр может уходить. Я ещё раз пожал руку Семёновой и поднялся:

– Ну-с, коллеги, нам здесь больше делать нечего. Продолжайте лечить основное заболевание. А мы засим удаляемся.

– Но инфаркт... – пискнул было Гадёныч и умолк.

Я посмотрел на него мудро и печально:

– А инфаркта у больной Семёновой, сорока двух лет, нет и не было. Вы согласны, коллеги?

Коллеги замычали и закивали головами, дружно выражая согласие.

– Консилиум вынес вердикт! – торжественно констатировал я, подхватил «тревожный чемоданчик» и, сопровождаемый своей свитой, покинул палату.

– Прямо фильм ужасов какой-то: «Тени! Они пришли!» – передразнила Кларочка несчастную Семёнову, когда мы подошли к лифту.

– Сон разума рождает чудовищ! – процитировал я и улыбнулся, – Малыш, это ещё не самая странная вещь из тех, которые можно услышать от вернувшихся в наш мир коматозников. Да ты и сама знаешь.

– Знаю, – кивнула Клара, – Но всё равно – странное что-то. Интересно, что ей привиделось?

– Ну, если через часок-другой ты задашь Семёновой этот вопрос, она тебе уже сможет вполне внятно объяснить, что имела в виду. И описать свои бредовые видения. В красках, – пожал я плечами и сделал шаг назад, – Поберегись!

Вовремя! Раздался жуткий стон прибывшего лифта и массивная стальная дверь с грохотом распахнулась, пройдясь в аккурат по тому месту, где я только что стоял.

– На седьмой? – догадливость престарелого лифтера восхищала.

– На седьмой! – хором подтвердили мы, расположившись в лифте.

И, под аккомпанимент тоскливого воя древнего механизма мы вознеслись. На седьмой.

15 июня, Западная Украина, Львов, 11–20.

– Красивый у вас город. Очень красивый! – восторженно сказала Саманта, откинув голову на плечо Петра и внимательно рассматривая раскинувшийся внизу древний Львов.

Пётр кивнул и покрепче обнял девушку. Ленивый порыв ветра взметнул её рыжие волосы и пощекотал ими лицо молодого человека. Пётр чихнул и засмеялся.

– Ты что? – Саманта обернулась и с удивлением посмотрела на него.

– Ничего. Волосы у тебя щекотные, – пояснил Пётр.

Девушка тоже улыбнулась:

– Знаешь, я ведь только недавно их отпустила. А раньше всегда коротко стриглась. Под мальчика. Представляешь?

– С трудом. Правильно сделала, что отпустила. Тебе очень идёт.

Саманта пожала плечами:

– Ну... наверное. Тебе виднее. Хотя с короткой стрижкой тоже было здорово. И забавно, – она вновь отвернулась к городу и замолчала, захваченная великолепным видом.

А посмотреть и в самом деле было на что. Из буйной зелени там и сям выглядывали бесчисленные красные черепичные крыши. Будто диковинные остроконечные грибы пробились сквозь высокую траву после солнечного дождя. Узкие старинные улочки отсюда, сверху, выглядели вовсе уж игрушечными, плотно заставленные такими же кукольными аккуратными домами. Только кресты костёлов и ратуша, гордо вздыбленная в центре города, выглядели вполне серьёзными и взрослыми.

– Сэми, я знаю, о чём подумал? – задумчиво спросил Пётр. И сам же ответил, – Ведь вот эта картина не менялась уже несколько веков. Ну, если не считать, конечно, некоторых досадных дополнений в виде современных коробок. Но мы на них смотреть не будем, верно?

– Верно, – с готовностью согласилась девушка, – На них и смотреть-то неинтересно.

– Точно. А вот это всё, – Пётр обвёл рукой панораму города, – Это всё стоит тут уже Бог знает, сколько времени. И десять лет назад, и пятьдесят, и сто, и двести – вот тут, на этом самом месте, наверняка так же стояли пары и обнимались, глядя на город у их ног...

– И целовались? – уточнила девушка, лукаво взглянув на него.

– И целовались, конечно! Вот так... – Пётр наклонился и продемонстрировал Саманте, как целовались их предшественники.

Наступила долгая пауза. Вполне объяснимая.

– Уф... голова закружилась! – выдохнула девушка, неохотно оторвавшись, наконец, от губ молодого человека.

– Ага. У меня тоже, – подтвердил он.

– Очень красивое место. Располагает к... – Саманта пошевелила пальцами в воздухе, с трудом подыскивая нужное слово, – К романтике, вот!

– Точно. А твой русский всё лучше и лучше. Прямо на глазах.

– У меня хороший учитель, – улыбнулась девушка и прищурилась, – Как ты сказал, называется эта гора?

– Какая? – удивился Пётр.

– Ну, эта. На которой мы сейчас стоим.

– А, ты вот о чём... Высокий Замок.

– Высокий Замок... – задумчиво повторила Саманта, – Красиво. А почему так назвали?

Ответить Пётр не успел. Земля под ногами вдруг подпрыгнула высоко вверх и тут же, без остановки, ухнула обратно. Обнявшаяся пара, подброшенная взбесившейся мостовой, зависла на секунду в воздухе и обрушилась следом.

Саманте повезло: она упала на Петра, оказавшегося внизу. Но всё равно, девушка предельно ударила локтем о нехотят подвернувшийся булыжник.

– Peter! Are you o'kay? How are you? What happened? – от боли, страха и неожиданности девушка перешла на родной язык.

– Говори по-русски, Сэми! – прокричал снизу Пётр, – Я в порядке. Почти. Бок только сильно ушиб.

– Что это было?! – Саманта осторожно поднялась на ноги, прислушиваясь к собственным ощущениям. Локоть противно ныл, но всё остальное, кажется, не пострадало.

– Понятия не имею... – растерянно пробормотал юноша, тоже поднимаясь. Ему это явно давалось с трудом.

Наконец, держась за бок и пошатываясь, Пётр утвердился на ногах. Огляделся и присвистнул: молодые люди теперь стояли на дне огромной ямы метра в три глубиной. Вернее даже, не ямы, а – длинной расщелины с крутыми, почти отвесными стенами, загадочным образом образовавшейся вдруг здесь, на вершине горы.

– Питер, смотри! – Саманта больно вцепилась ногтями в его руку, указывая куда-то вверх. Проследив взглядом за её рукой, юноша похолодел. И было, из-за чего!

Огромная телевышка, обосновавшаяся на вершине Высокого Замка, теперь сильно наклонилась в их сторону. И продолжала клониться на глазах, наполняя воздух тоскливым стоном корёжущегося металла!

– Бежим! – не раздумывая, Пётр помчался по дну расщелины прочь от падающей вышки, увлекая за собой Саманту.

Грозный скрип над их головами всё усиливался. Сверху посыпался какой-то мелкий мусор. Пока – мелкий...

– Берегись! – Пётр рванул девушку в сторону.

На то место, где она только что была, с грохотом обрушилась непонятная металлическая конструкция размером с приличный шкаф.

– Не останавливайся, Сэми! Беги! – прикрикнул юноша на ошеломлённую подругу и ускорил шаг.

Ещё один кусок гибнущей вышки упал совсем рядом. В каком-то метре от них.

– Питер! Надо в сторону бежать! Она же прямо на нас падает! – отчаянно прокричала Саманта, оглянувшись.

– Не успеем! Высоко, стены отвесные... Не успеем выбраться! Беги, не рассуждай! Ещё немного!

Металлический стон всё усиливался. Вышка неохотно наклонялась всё больше и больше, с каждой секундой ускоряя своё неумолимое движение вниз. Со звоном, будто гигантская струна, лопнула одна из растяжек, удерживающая вышку в вертикальном положении. Толстен-

ный металлический трос гигантским кнутом хлестнул по воздуху и прошёлся по старым деревьям, срезав их, будто бритвой.

Одно из них рухнуло в расщелину. Прямо перед бегущими людьми.

– Чёрт! – Пётр затормозил перед толстым стволом, улёгшимся вдоль расщелины и загородившим собой, и растопыренными ветвями, дорогу, – Сэми, придётся лезть. Только быстро!

Девушка молча кивнула и начала продираться сквозь ветки. Пётр помедлил и оглянулся: проклятая вышка уже нависала совсем близко! Какая там у неё высота? Сто метров, двести, триста? Сколько им ещё бежать, чтобы выбраться в безопасное место? И сколько времени у них осталось, прежде чем эта железная махина рухнет?

Юноша мотнул головой, отгоняя ненужные сейчас мысли и вслед за Самантой углубился в дебри ветвей поваленного дерева.

Пять секунд... Десять... Пятнадцать... Ветки зло хлестали по рукам и ногам, а бесчисленные острые сучья злобно вспарывали кожу. Не обращая на всё это никакого внимания, молодые люди неистово продирались вперёд, прислушиваясь лишь к грохоту собственных сердец, да к нарастающему стону падающей вышки.

Наконец, дерево кончилось. Вырвавшись из колючего плена, Пётр с Самантой остановились на секунду и оглянулись...

...Чтобы увидеть, как прямо на них падает металлическое чудовище! Время вышло. В немом оцепенении, взявшись за руки, молодые люди смотрели, как надвигается смерть. Понимая, что бежать уже бесполезно...

Грохот упавшей вышки заполнил собой всё. В воздух взметнулась потревоженная земля; камни, сучья и металлические обломки разлетелись во все стороны. Пыль моментально заполнила расщелину плотным удушливым туманом. Останки железной конструкции уже упокоились на земле, а сверху всё сыпалась и сыпалась какая-то труха.

...Пётр открыл глаза. Живой? Живой!

– Сэми?

– Я тут. Мы живы? – удивлённо спросила девушка, тоже открыв глаза.

– Вроде... – неуверенно ответил Пётр и взглянул на поверженную вышку.

– Как в кино... – прошептала Саманта, рассматривая нацеленный прямо в её нос острый железный штырь, венчающий телеантенну.

Всего-то руку протянуть...

15 июня, Западная Украина, Львов, 11–35.

Пейзаж у подножия Высокого Замка изменился самым чудовищным образом. Город уже не походил на яркую игрушку, вовсе нет. Исчезла ратуша. Исчезли шпили костёлов. Исчезли серые коробки новостроек. Будто неведомый хулиганистый великан в одночасье смахнул черепицу с крыш уцелевших домов и усеял ею мостовые.

А ещё повсюду зияли чёрные дыры провалов. В которые медленно и неохотно сползало всё, что неосторожно оказалось поблизости от них: дома, машины, деревья.

– Да что же это такое?! – в отчаянии воскликнула Саманта, размазывая слёзы по измазаным землёй щекам.

– Землетрясение... – растерянно ответил ей Пётр, не веря собственным глазам.

Минуту назад они выдрались, наконец, из злополучной расщелины, едва не ставшей им могилой. Тогда-то и увидели это страшное зрелище.

– Землетрясение?! Но почему здесь?

Юноша пожал плечами:

– Не знаю, Сэми. Но ничего другого в голову не приходит.

Будто в подтверждение его слов земля под ногами заходила ходуном.

– Оно ещё не кончилось! Бежим отсюда! – Саманта схватила Петра за руку и потянула к ступеням, ведущим со смотровой площадки вниз.

– Куда ты?

– Куда угодно, только отсюда! – девушка рванула друга так, что тот чуть не упал.

Пожав плечами, Пётр тоже помчался вниз, перепрыгивая через ступеньку. Вокруг всё шаталось: вековые деревья, густо облепившие склоны горы, трещали и отчаянно размахивали ветвями, будто взывая о помощи. Каменные ступени отплясывали какой-то неистовый танец, пытались увернуться от четырёх бегущих по ним ног. Иногда им это удавалось.

– Осторожно! Нogu не подверни! – Пётр едва успел подхватить Саманту, когда она, оступившись на шатающемся камне, едва не свалилась вниз с многометровой высоты.

– Я стараюсь... Ступени дёргаются! – пожаловалась девушка.

– Да тут всё дёргается! Ты всё равно под ноги смотри! – в сердцах бросил Пётр и тут же устыдился собственной резкости, – Сэми, правда, ты поаккуратнее.

Она кивнула и побежала дальше. Сзади и сверху раздался оглушительный треск. Молодые люди обернулись и, не сговариваясь, остановились.

Вершина Высокого Замка раскололась пополам. Глубокая трещина, зародившаяся, видимо, из той самой расщелины, рассекла гору ровно посередине. И продолжала углубляться, разводя половины всё дальше и дальше друг от друга.

– Shit! – забыв о приличиях, тихо выругалась Саманта.

Трещина резво ползла вниз по склону, подбираясь к застывшим в страхе молодым людям. Первым опомнился Пётр:

– Сэми, бежим! Уходим с лестницы! В сторону, на склон! – и прыгнул со ступеней на поросшую мхом скалу, – Давай ко мне!

Девушка послушалась. Теперь они бежали по наклонному скользкому камню, уходя в сторону с пути приближающейся трещины. А та была совсем близко!

– Быстрее! – Пётр увлекал Саманту за собой, стараясь не оглядываться. Но что-то заставляло его вновь и вновь бросать торопливые взгляды на приближающийся разлом.

Гора разваливалась пополам. По какой-то странной иронии трещина бежала точно по лестнице, жадно проглатывая её ступени. Вот уже на том месте, где несколько секунд назад стояли молодые люди, образовалась бездонная яма. И тут же принялась расширяться в стороны, выкусывая из скалы всё новые и новые куски.

– Сэми, не останавливайся! – прикрикнул Пётр на подругу, которая замерла на месте, зачарованно наблюдая за страшным и красивым зрелищем, – Давай за мной! В сторону и вниз!

Он рванул Саманту за руку и, уже не заботясь о том, чтобы смотреть под ноги, поволок девушку за собой.

В безумной гонке потянулись секунды. Молодые люди неслись по скользкому, содрогающемуся каменному склону, каким-то чудом удерживаясь на ногах и даже опережая преследующий их разлом. Ближе к подножию горы им стали встречаться и другие люди: товарищи по несчастью, так же застигнутые землетрясением во время прогулки по склонам Высокого Замка. Потрясённые и испуганные, все они молча бежали вниз, к израненному городу, лишь изредка оглядываясь на неумолимую трещину, рассекающую гору всё глубже и глубже.

Наконец, склон закончился. Теперь Пётр с Самантой бежали по одной из многочисленных узких улочек старого Львова, уворачиваясь от мечущихся людей и летящей сверху черепицы с потревоженных крыш.

– Петя, стой! – девушка резко остановилась, с трудом переводя дыхание.

– Что? – от неожиданного рывка за руку Пётр чуть не упал.

– Куда мы бежим? Что делать дальше? Тут же всё, всё разрушено! – не замечая того, Саманта кричала. Впрочем, в царящей вокруг какофонии её крик был едва слышен.

– Для начала – домой. Надо узнать, что с родителями и забрать документы. И деньги. Потом – по обстоятельствам. Скорее всего, придётся выбираться из города. Судя по тому, что мы видели сверху, в ближайшие дни Львов будет просто парализован. Наверняка разрушены все коммуникации: не будет ни воды, ни газа, ни электричества. Хорошо хоть, что лето: на улице тепло.

– А куда выбираться? И как?

– В Киев. У меня там брат живёт. Двоюродный. Да и ваше посольство, опять же. Там помогут отправить тебя домой.

Саманта больно сжала руку Петра:

– Питер, я не хочу домой. Я только недавно приехала и... Тут такое случилось! Я должна быть тут, с тобой!

Он обнял девушку и прижал к себе:

– Сэми, я тоже не хочу расставаться. Но пойми, тебе безопаснее будет дома. Да и мне спокойнее. А когда всё нормализуется, я к тебе прилечу. Или ты ко мне. Идёт?

Саманта яростно затрясла головой:

– Не идёт! Я останусь здесь, с тобой!

– Вот упрямая девчонка! – Пётр улыбнулся и нажал пальцем на вздёрнутый носик девушки, – Ладно, давай пока отложим этот разговор. Надо пробираться домой. Подозреваю, что трамваи не ходят, поэтому придётся пешком. Пошли?

– Пошли! – она шмыгнула носом и, не отпуская руку юноши, быстро зашагала рядом с ним по мостовой.

Несколько минут прошли в молчании. Молодые люди торопливо шли по разрушенному городу, потрясённо разглядывая изменившийся до неузнаваемости пейзаж. В окнах редких уцелевших домов не осталось стёкол. Люди, в чём были, высыпали на улицы, старясь держаться подальше от стен. Тут и там высились груды битого кирпича, в которые превратились менее прочные здания. И на этих грудах копошились отчаявшиеся люди, пытаясь голыми руками докопаться до тех, кто остался внизу, под завалами.

– Им надо помочь! Пошли! – Саманта дёрнулась в сторону, к очередным развалинам.

– Сэми, мы не сможем помочь всем! Надо побыстрее добраться домой. Возможно, там тоже нужна наша помощь. Давай скорее! – Пётр рванул девушку за руку, увлекая за собой.

– Но... Да, ты, наверное прав. Пойдём, – она с трудом оторвала взгляд от людей, лихорадочно разбирающих развалины, и почти побежала следом.

Свернув за угол, молодые люди остановились, поражённые страшной картиной: перед ними была огромная яма в земле, в которую провалился целый квартал! Из глубины поднимались клубы пыли и дыма. И доносились разноголосые стоны и крики.

– Господи... – прошептала Саманта.

Пётр подошёл к краю провала и осторожно наклонился над ним. Дым и пыль застилали всё, не позволяя рассмотреть, что происходит на дне. И где оно, это дно.

– Уходим. Мы ничего тут не сделаем, – изменившимся голосом сказал он, – Здесь не пройти. Придётся в обход.

Девушка молча кивнула, не отрывая глаз от страшной дыры в земле.

– Сэми, ты слышишь? Уходим! – Пётр взял её за плечи и сильно встряхнул.

– Да, да... – прошелестела она и, развернувшись, побрела прочь.

Пётр помедлил секунду и зашагал следом. Опять – минуты в тягостном молчании. Молодые люди шли по улицам, усеянным битой черепицей и обломками кирпичей, не обращая внимания на царящую вокруг суету.

– Пани, раз уж мир гибнет, займёмся любовью! – к Саманте подлетел бородатый тип с безумными глазами и с ходу попытался расстегнуть её джинсы.

Пётр, не останавливаясь, сунул кулаком в челюсть бородачу. Тот отлетел в сторону и растянулся на мостовой. Но тут же вскочил и с громким хохотом помчался прочь, раскинув руки в стороны, и высоко задирая длинные ноги.

Саманта, казалось, ничего не заметила. Она всё так же молча брела по улице, не глядя по сторонам.

– Сэми, нам сюда! – Пётр взял её под руку, направляя в переулок.

Она покорно кивнула. Сюда – так сюда.

Подземные толчки тем временем прекратились. Мостовая уже не выплясывала под ногами краковяк и идти стало намного легче. Пётр ускорил шаг.

– Помоги... – хриплый шёпот раздался у самого его уха.

Юноша вздрогнул и огляделся. Никого.

– Помоги... Я тут. Внутри... – шёпот повторился.

На этот раз его услышала и Саманта:

– Питер, ты слышишь?

– Слышу. Погоди-ка... – он подошёл к окну на первом этаже дома, рядом с которым стоял, и прислушался.

– Да, здесь... Помоги... – голос доносился изнутри.

Стёкол в раме не осталось. Пётр осторожно заглянул внутрь и вздрогнул: прямо на него пронзительно смотрели глаза, наполненные болью.

Глаза принадлежали старику, лежащему на полу небольшой комнаты. Собственно, старик был виден лишь до пояса. Всё, что ниже – скрывала бетонная плита. Обрушившаяся, видимо, во время подземных толчков из потолочного перекрытия и пригвоздившая несчастного хозяина квартиры к полу.

– Зайди... Мне тебе сказать надо кое-что... И отдать... – прохрипел старик, с мольбой глядя на Петра.

– Мне? – с недоумением переспросил тот.

– Да. Скорее... нет времени! – нетерпеливо дёрнулся старик. И тут же застонал от боли, причинённой неосторожным движением.

– Хорошо. Иду, – вдруг согласился Пётр и проворно забрался внутрь.

– Питер, я с тобой! – протянула к нему руки Саманта, тоже подойдя к окну.

Юноша помог ей забраться в квартиру. Они подошли к стонущему старику: тот лежал теперь с закрытыми глазами и, казалось, был в беспамятстве.

– Сэми, помоги! Берись за другой край! – Пётр кивнул девушке на бетонную плиту, – Три, четыре!

Вместе они попытались приподнять её. Да куда там! Плита даже не шевельнулась.

– Не надо... Бесполезно... И времени нет... – старик вновь открыл глаза, – Мне немного осталось. Несколько минут может... Я чувствую.

Пётр опустился на колени рядом с головой умирающего. Рядом присела Саманта:

– Как же мы можем вам помочь? – спросила она.

Старик едва заметно кивнул:

– Можете. Только не мне. Всем...

– Как это – всем? – удивился Пётр.

– Всем, – подтвердил старик, – Часы...

– Что?

– Часы. Они пошли...

Молодые люди переглянулись в недоумении. Бредит?

– Какие часы?

– Эти, – старик слабо шевельнул рукой.

Пётр присмотрелся: высохшие пальцы сжимали какой-то предмет.

– Возьми! – пальцы разжались.

Юноша послушно протянул руку и взял то, что лежало на ладони умирающего старика. Поднёс к глазам...

Часы. Старинные карманные часы с крышкой. На цепочке. Похоже, золотые. Довольно большие и с какой-то, необъяснимой сразу, неправильностью.

– Они пошли! – грустно повторил старик.

– Ну... часы ведь должны ходить, верно? – пробормотал Пётр, рассматривая сложный рисунок, выгравированный на крышке.

– Эти – нет! – шёпот сорвался в хриплый выкрик, – Эти – не должны! Ни в коем случае! Но пошли. Двадцать дней назад. Я должен был сразу отправиться по стрелке... Не смог... Старый стал... Болею... – печально закончил старик и умолк, переводя дыхание.

– Послушайте, э-э-э... – начал было Пётр, но запнулся, поняв, что не знает, как обращаться к странному хозяину часов.

– Велимир... – подсказал тот.

– Велимир? Очень приятно. Я – Пётр. Это – Саманта. Она из Америки, студентка. Здесь по обмену, – невесть, зачем, объяснил юноша.

Старик слегка кивнул:

– Рад познакомиться...

– Так вот, Велимир... мне кажется, будет лучше, если вы расскажете нам всё по порядку.

Пока, честно говоря, я ничего не понял. А ты, Сэми?

Девушка помотала головой:

– Абсолютно ничего.

Старик грустно улыбнулся уголками губ:

– Да, вы правы. Я расскажу. Надеюсь, мне хватит времени... Открой часы, Пётр. Там есть кнопка, сбоку.

Юноша поискал и нашёл. Нажал. Крышка с тихим звоном откинулась, открывая взору циферблат с тремя стрелками.

Странный циферблат. Там, где у обычных часов находится цифра «12», – у этих красовалось совершенно непонятное «40».

И стрелки тоже странные. Одна из них, чёрного цвета, неподвижно застыла, указывая на отметку «20». Зато две другие, золотая и серебряная, едва заметно подрагивали, словно в нетерпении.

Повинуясь внезапному наитию, Пётр повернул часы на ладони. Чёрная стрелка по-прежнему показывала на «20». Зато золотая и серебряная, дрогнув, тут же вернулись в своё первоначальное положение.

– Компас?! – невольно спросил вслух юноша.

– Нет, это не компас... – прохрипел Велимир, – Хотя... чем-то похоже.

Пётр поднёс странные часы к уху. Тишина. Никакого тиканья.

– Так они же стоят!

Старик поморщился:

– Они идут, Пётр. Увы, идут. Только там нет привычного механизма с пружинками, колёсиками и прочим... Я даже не знаю, есть ли там хоть какой-то механизм. Часы открыть невозможно.

– Но...

– погоди, не перебивай. Силы уходят, а рассказать мне нужно многое...

– Хорошо, я слушаю, – согласился юноша, поудобнее усаживаясь на полу.

Велимир прокашлялся и начал рассказ:

– Где-то здесь, в Карпатах находится ЭТО...

– Что?!

– ЭТО. Предмет, который я никогда не видел, Только знаю, что он – есть. И был всегда, с того момента, как на Земле появилась жизнь... А может быть – и раньше... Не знаю. Не знаю, откуда ЭТО взялось и как выглядит. Да и не хочу знать... – старик опять надолго умолк, тяжело дыша.

– А зачем ЭТО нужно? – тихо спросила Саманта.

– ЭТО – оберег. Он предохраняет наш мир от саморазрушения. К которому тот постоянно стремится...

– Энтропия?! – недоверчиво спросил Пётр.

Велимир запнулся и удивлённо посмотрел на него. Саманта тоже.

– Ну... энтропия – это что-то вроде естественного стремления любой системы к хаосу, саморазрушению. Причём, чем сложнее система – тем сильнее энтропия. Мы по физике проходили когда-то... – смущённо объяснил юноша.

Старик пожал плечами:

– Может быть, не знаю. Мне об ЭТОМ рассказал отец. Ему – дед. Деду – прадед... И так далее. В нашем роду знание об ЭТОМ передавалась по мужской линии из поколения в поколение. Вместе с часами...

– Зачем? – Пётр забыл о своём обещании не перебивать.

– Мы – Смотрители. Давным-давно нас назначили следить, чтобы с ЭТИМ ничего не случилось. И дали часы.

– Кто назначил?

Велимир опять пожал плечами:

– Не знаю. Тот, у кого было такое право, видимо. Я никогда не задавался этим вопросом.

– Но вы же... Вы же говорили, что никогда не видели ЭТО? И не знаете, как оно выглядит. Как же вы за ним присматривали?

– Для этого и существуют часы. Пока с ЭТИМ всё было в порядке – часы стояли. Как только ЭТО утратило свою цельность – часы пошли. И стали бить.

– Они ещё и бьют?

– Да. В полночь. Часы отбивают количество дней, оставшихся миру. Начиная с сорока. В минувшую полночь они пробili двадцать раз...

– То есть...

– То есть, через двадцать дней наш мир погибнет. Если до того времени кто-нибудь не найдёт утраченную часть ЭТОГО и не вернёт на место... – старик вновь закрыл глаза.

– Погодите, погодите... Велимир, но откуда вы знаете, что ЭТО каким-то образом утратило свою часть, а не, скажем, сгорело, затонуло, взорвалось или ещё что?

– Уничтожить ЭТО невозможно. Но – оно состоит из многих частей, соединённых вместе. Насколько я знаю. Пока части ЭТОГО рядом с друг другом – ЭТО работает. Стоит унести одну из частей всего на несколько метров – ЭТО останавливается. Зато начинают идти часы... – старик помолчал немного и продолжил, – Там три стрелки. Чёрная показывает, сколько дней осталось до конца всего. Она идёт против часовой стрелки. Золотая указывает направление на ЭТО. Серебряная показывает, в каком направлении находится утраченная часть. Двадцать дней назад золотая и серебряная стрелки смотрели в одну сторону. Теперь – сами видите...

Пётр мельком взглянул на циферблат: стрелки смотрели в разные стороны, образуя тупой угол.

– Пётр, мне некому было передать знание об ЭТОМ. Так уж вышло: детей у меня нет. А сам я не могу пойти по стрелке... даже если бы не эта проклятая плита – всё равно бы не смог. Старый стал... Возьми часы, мальчик. Иди по серебряной стрелке... Найди утраченную часть и верни её... Больше – некому, – Велимир прикрыл глаза и умолк, тяжело дыша.

Юноша ошарашенно глядел на часы в своей руке. Золотая и серебряная стрелки нервно дрожали, а чёрная неумолимо-спокойно указывала на «20». Двадцать дней... Столько осталось миру? Всему? А что потом?

– А что потом? Как это произойдёт? Как всё погибнет? – вслух повторил Пётр мысленные вопросы.

– Не знаю точно... По Земле прокатятся сильнейшие землетрясения, наводнения, ураганы и прочие природные катаклизмы. Сегодняшнее землетрясение – только начало. Наверняка что-то подобное случилось нынче и в других частях планеты. Возможно, ударит метеорит. Может быть, случится ядерная катастрофа. Или всё это вместе. Ты должен понять – через двадцать дней всё закончится. Земля погибнет... – старик перевёл дыхание, – Но процесс её разрушения уже начался. И с каждым днём будет нарастать. Будут гибнуть люди: десятки, сотни тысяч... миллионы. Нельзя терять времени, Пётр. Ни минуты. Иди по стрелке...

– Питер, ты должен идти, – прошептала Саманта в наступившей тишине, – *Мы* должны идти.

Она сидела, обняв себя за плечи и глядя огромными глазами на друга. Как-то сразу повзрослев.

Пётр замер, поражённый. Услышанное не укладывалось в его сознании. Мир гибнет и он, студент четвёртого курса Львовского политеха – единственный, кто может спасти обречённую планету?! Кино, да и только... Армагеддон – 2.

Но странные часы в руках были вполне материальны. Как и развалины за окном, в которые в считанные минуты превратился его родной город. Как и хрипящий старик, придавленный бетонной плитой и доживающий, вероятно, последние минуты. Или даже – секунды.

– Всё – правда, мальчик, – прошептал Велимир, уловив его сомнения, – Всё – правда. Тебе придётся пойти по стрелке.

Пётр кивнул. Он и сам уже понял, что – пойдёт.

– Но... как я пойму, что передо мной – часть ЭТОГО? Если найду... вернее, когда найду? Ведь я же не знаю, как выглядит то, что буду искать.

– Часы... Когда ты окажешься рядом с ЭТИМ или его частью – часы начнут бить. И прекратят лишь тогда, когда ты коснёшься того, что искал.

– Круто... – пробормотал юноша, разглядывая часы в своей руке.

Теперь он понял, какая неправильность в их форме резанула поначалу глаз: у часов не было заводной головки. Да и понятно, почему.

– Велимир, скажите... Стрелки ведь указывают только направление, верно? А как узнать расстояние до цели? – поинтересовалась Саманта.

Пётр встрепенулся и с улыбкой посмотрел на подругу: молодец, девочка! Как он сам-то не догадался спросить?!

– Не знаю... – Велимир пожал плечами, – Этого я не знаю. Думайте. Наверняка есть какой-то способ. Только его надо найти...

Пол вдруг зашатался. Стены старого дома жалобно затрещали и заметно задёргались. Сверху посыпалась труха.

– Опять! Уходите, скорее! Дом может рухнуть в любую секунду! – собрав последние силы и приподнявшись на локтях, закричал старик.

– Но... – начал было Пётр, вскочив на ноги, но Велимир не дал ему закончить:

– Бегите! Мне вы уже ничем не поможете! Бегите, чтоб вас...

– Он прав, Питер! Уходим! – Саманта нагнулась над стариком и быстро поцеловала его в щёку – Прощайте, Велимир. Бог с вами.

Вскочила и легко выпрыгнула в окно. Пётр ринулся за ней, но, уже взобравшись на подоконник, задержался на мгновение и обернулся.

Старик всё так же лежал, приподнявшись на локтях, и – улыбался. Губы его шевелились. Пётр прислушался – сквозь треск и грохот рушащихся стен с необыкновенной ясностью про-
рвался шёпот старика:

– Иди по стрелке, мальчик. Ты сможешь...

Через секунду Пётр уже бежал рядом с Самантой по узкому, пляшущему под ногами переулку, уворачиваясь от летящих сверху разнокалиберных обломков. Громкий треск сзади заставил молодых людей обернуться.

Дом, который они только что покинули, вдруг неловко дёрнулся, замер на мгновение в неестественном каком-то положении, – и неторопливо осел на землю невысокой кучей битого кирпича.

– Прощай, Велимир... – прошептала Саманта, больно вцепившись в руку друга.

– Прощай, Смотритель! – Пётр на миг склонил голову. И посмотрел на часы.

Чёрная стрелка по-прежнему показывала на «20».

15 июня, Нероград, отделение кардиореанимации, 13–45.

Городской телефон истерично заверещал. Я поморщился и снял трубку:

– Реанимация.

– Здрасьте. Суханов жив ещё? – с плохо скрываемой надеждой на отрицательный ответ спросили на том конце провода.

Я вздохнул. За долгие годы работы здесь нетрудно было научиться определять степень любви родственников к болящему. По тому, как те о нём справляются.

– Простите, а кем вы ему приходитеесь? – поинтересовался я.

– Зятем, – угрюмо ответствовала трубка.

– Состояние тяжёлое, но стабильное, – выдал я привычную формулировку.

– Это как? – в голосе зятя теперь читалось разочарование.

– Состояние остаётся тяжёлым, но без тенденции к дальнейшему ухудшению, – расшиф-
ровал я.

– То есть – не помрёт? – не унимался заботливый зятьёк Суханова.

– Почему же? Помрёт когда-нибудь. Как и все мы, – успокоил я его.

Пауза. Трубка тяжело сопела мне в ухо. Я терпеливо ждал: делать всё равно пока было нечего.

– А когда именно? – сформулировал, наконец, главный вопрос зять.

– Когда придёт его время, – философски ответил я. Разговор уже начал навевать на меня скуку, – Приём передач – через справочное отделение. С шестнадцати до девятнадцати. Всего доброго.

И, не дождавшись ответа, брякнул трубку на аппарат. Дремлющий на столе Петрович подскочил и вопросительно посмотрел на меня.

– Спи спокойно, дорогой товарищ! – ласково улыбнулся я ему.

– Не вызов?

– Нет. Добрые родственнички тревожатся.

– А-а... – протянул Ванька и опять прильнул к столу.

Я встал и подошёл к окну. Какая-то неясная мысль царапала сознание. Что-то шло не так. Вот только – что именно?

Пытаясь определить источник непонятной тревоги, я распахнул окно и уселся на под-
оконник. Отсюда, с нашего седьмого этажа, открывался неплохой вид на небольшой лес и излу-
чину Урала вдаль: больница стояла на окраине города и поэтому урбанистические пейзажи
наши взоры не раздражали.

Вдалеке, за Уралом, висела огромная чёрная туча. Занимая собой пол-неба, она неприятно клубилась где-то внутри себя, периодически озаряясь сполохами молний. И, кажется, ползла в нашу сторону. Судя по духоте, царящей снаружи, грозы было не избежать.

Но тревожило меня вовсе не приближение ливня с громом и молниями. Что-то другое...

Вот оно! Осенённый догадкой, я прыгнул с подоконника. Михалыч! Как-то подозрительно долго он не возвращается из своих палат...

Небольшое отступление. Михалыч (Виктор Михалыч, если полностью) – третий врач из нашей сегодняшней бригады. Самый молодой и самый... гм, инициативный, что ли. Ну да, пожалуй, это самое точное определение...

Видите ли, есть старое доброе врачебное правило: не навреди. Иными словами, твоё лечение не должно принести пациенту больший вред, чем его болезнь. Придумано давным-давно и не нами, но по сей день – закон. Очень правильный, следует заметить.

К этому закону есть великое множество правил попроще, нацеленных всё на то же – не навредить. Мы в своём отделении свято придерживаемся трёх следующих:

1. Если лекарство можно не назначать – его не нужно назначать.
2. Если манипуляции можно избежать – её нужно избежать.
3. Если после двух попыток манипуляция не удалась – третью попытку отдай коллеге.

А манипуляции у нас бывают разные и практически все – связанные с втыканием в организм пациента всякого рода острых металлических предметов, а потому – весьма для этого самого организма небезразличные. И, честно говоря, небезопасные. Как, впрочем, и большинство наших лекарств.

Поэтому три золотых правила мы чтим и неуклонно им следуем. Все, кроме Михалыча. Ну, вот нравится ему бурная деятельность. Даже немотивированная. Экшн, так сказать.

Случаев, когда наш юный коллега демонстрировал свою неуёмную тягу к рукоблудию (термин Витаминача, нашего заведующего, – означает нездоровое стремление доктора во что бы то ни стало сделать что-то с пациентом руками, вместо того, чтобы подумать головой) – не счесть. Вот, к примеру: из последнего, так сказать.

Дежурили мы неделю назад втроём: Михалыч, Витаминач и я. Всё шло относительно благополучно, пока в палату к Михалычу не поступил новый больной. Наш чудо-доктор привычно натянул колпак с маской – и отправился в палату принимать пациента. В том числе – поставить ему катетер в подключичную вену.

Мы с шефом спокойно занимались своими делами. Как говорится, – ничто не предвещало...

...Пока через час (!) в ординаторскую не вошла сестричка из палаты Михалыча и, потупясь, предложила нам зайти к новому пациенту.

– А что случилось? – хором поинтересовались мы с шефом.

– Ну... Мне кажется, вам нужно там быть! – загадочно ответила сестра.

Витаминач пожал плечами и направился к выходу из ординаторской.

– Я нужен? – поинтересовался я, не особо желая отрываться от накопившейся за день писанины.

– Да справлюсь, наверное, – самоуверенно заявил Витаминач и исчез.

Вернулся шеф довольно быстро. И принялся молча нарезать круги по ординаторской, выкуривая одну «Приму» за другой. Без остановки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.